

ЕВГЕНИЙ БОРАТЫНСКИЙ

Глеб Шульпяков

ПИРОСКАФ

СЕРИЯ "ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ"

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

ЖИЛ

Глеб Шульпяков

Евгений Боратынский в зеркалах эпохи. Пироскаф

«Издательство АСТ»
2027

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(Рос=Рус)6-8

Шульпяков Г. Ю.

Евгений Боратынский в зеркалах эпохи. Пироскаф /
Г. Ю. Шульпяков — «Издательство АСТ», 2027 — (ЖИЛ)

ISBN 978-5-17-191062-4

Художественное исследование жизни поэта без громких поворотов, но с богатым внутренним миром, — и его последнее путешествие. Глеб Шульпяков — поэт, прозаик, автор художественного исследования «Батюшков не болен» (шорт-лист премии «Большая книга»). Во внешней судьбе поэта Евгения Боратынского (1800–1844) мало остросюжетных историй. Турбулентная эпоха наполеоновских войн закончилась раньше, чем он повзрослел. В тайных союзах не состоял. Его творческий расцвет совпал с эпохой николаевской реакции. Самые яркие сюжеты складывались в его внутреннем мире. «Пироскаф» — название одного из лучших стихотворений Боратынского, а также парусно-парового судна, на котором поэт совершил путешествие, оказавшееся последним в его жизни. В «Пироскафе» — полнота бытия, его истинность. Когда ветер с паром, человек с природой, прошлое с будущим, разум с чувством, а свобода с Провидением. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-17-191062-4

© Шульпяков Г. Ю., 2027
© Издательство АСТ, 2027

Содержание

От автора 6
Краткая летопись жизни и творчества Евгения Боратынского 8
Часть I 12
Дельвиг, 12
Коншин, 17
Лутковский. Финляндия 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Глеб Шульпяков
Евгений Боратынский в зеркалах эпохи. Пироскаф

Серия «Жизнь известных людей»
В оформлении переплета использован портрет Е. А. Боратынского с литографии А. Мюнстера по рисунку А. Лебедева

© Шульпяков Г. Ю.
© Бондаренко А. Л., художественное оформление.
© ООО «Издательство АСТ».

* * *

Моей жене

Может быть, счастье – это только случайное сопряжение мыслей, не позволяющее нам думать ни о чем другом, кроме того, чем переполнено наше сердце…
Из письма Боратынского матери, 1816

От автора

Во внешней судьбе Боратынского мало остросюжетных историй. Турбулентная эпоха наполеоновских войн закончилась раньше, чем он повзрослел. В тайных союзах не состоял. Его литературный дебют пришелся на начало 1820-х годов, когда в обществе, похоронившем надежды на реформы, преобладал дух негодования и фронды, – а творческий расцвет совпал с эпохой николаевской реакции. Как у многих мыслящих людей того времени, самые яркие сюжеты жизни и творчества Боратынского складывались в его внутреннем мире. Стихи и письма поэта дают возможность понять этот мир в противоречивом, сложном единстве.

В юности человека формируют люди. Первая часть книги, которая так и называется («Люди»), составлена из очерков о поэтах – друзьях Боратынского, а также сослуживцах, женщинах, литераторах старшего поколения, с которыми судьба сводила его в первые годы литературного поприща. О рано умершем отце, чей живой образ стал импульсом к созданию одной из лучших элегий.

Боратынского называют поэтом мысли, но что такое быть поэтом мысли? Как философские искания эпохи преобразились жизнью и творчеством поэта? Официальная идеология, преследование инакомыслящих, усиление цензуры, доносы – после восстания «декабристов», революции в Париже и Польского восстания многие свободомыслящие люди уходят во внутреннюю эмиграцию или уезжают. Общественная мысль смещается в мир идейно-духовных исканий, во многом определенных философией Шеллинга. Центрами общения становятся салоны. На острие философской и литературной мысли возникают новые журналы. Цензура не дремлет, и век журналов, как правило, недолог. Но в идеологически зачищенном обществе сам факт независимого размышления становится нравственным подвигом. «Россия для нас необитаема, – говорит Боратынский в письме 1832 года, – и наш бескорыстный труд докажет высокую моральность мышления». Часть вторая, «Идеи».

Дом, семейный очаг, родственный круг – эти понятия с детства были для поэта не пустым звуком. После драматических событий в Пажеском корпусе подростка Боратынского спасли и выходили в родных пенатах. В третьей части («Дом») мы увидим, как все последующие «дома́» поэта – его книги, журналы, в которых он публикуется, его стихи и, наконец, его буквальный дом – усадьба в Муранове – преображаются в метафору поиска экзистенциальной точки опоры человека.

В 1843 году Боратынский отправится с семейством в большое заграничное путешествие, из которого ему не будет суждено вернуться. Четвертая и последняя часть так и называется: «Путешествие». Германия, Франция, Италия. Зима в Париже, когда в судьбе поэта, кажется, сходятся нити прошлого и намечается основа будущего. Стихотворение «Пироскаф», в котором философско-поэтические искания Боратынского обретают наконец гармоническую поэтическую форму. Трагедия в Неаполе.

Как и в случае с моей книгой «Батюшков не болен», я определяю жанр «Пироскафа» как художественное исследование. Чтобы постичь жизнь и творчество поэта в их динамическом, живом, противоречивом единстве – одной филологии или биографии недостаточно. В духе художественного метода самого поэта я пытаюсь совместить оба подхода, аналитический и интуитивный.

Из источников сведений о жизни и творчестве поэта хотелось бы выделить «Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского» (1998), составленную Алексеем Песковым, – письма поэта цитируются именно по этому изданию; проект полного собрания сочинений и писем поэта, руководителем которого был Алексей Михайлович (2002, неоконченный), а также книгу норвежского исследователя Гейра Хетсо «Евгений Баратынский. Жизнь и творчество» (1973). Научные статьи и книги, посвященные разным аспектам поэтики Боратынского, а также исто-

рии того времени, указываются в сносках к тексту. Правописание фамилии поэта я принимаю через «о», что соответствует ее этимологии и последней воле самого автора. Выражаю благодарность Алине Бодровой и Вере Мильчиной за ценные замечания.

Краткая летопись жизни и творчества Евгения Боратынского

19 февраля 1800 г.

В тамбовской усадьбе Вяжля, в семье генерал-лейтенанта в отставке Абрама Андреевича Боратынского и его жены Александры Федоровны, урожденной Черепановой, рождается первенец, сын Евгений. Через несколько лет Абрам Андреевич строит по соседству новый дом и перевозит разрастающееся семейство в урочище Мара. Буба, Бубинька, Бубуша – так называют маленького Евгения. Дом в Маре станет для поэта «отеческими пенатами», сохраняющими в образах старого парка память об отце. На протяжении жизни поэт будет писать матери в Мару подробные письма и часто приезжать – и по делам, и чтобы побыть в кругу семьи. При разделе тамбовских земель он получит свою долю.

март 1810 г.

Во время пребывания семьи Боратынских в Москве от простуды внезапно умирает отец поэта. Его хоронят на кладбище Спасо-Андроникова монастыря. Семья остается в Москве хлопотать о зачислении Евгения в петербуржский Пажеский корпус. Боратынские проводят в Москве первую зиму без отца.

май 1812 г.

Евгения Боратынского привозят из Мары в Петербург, где он сдает экзамены в пансион для подготовки поступления в Пажеский корпус. «Петербург поразил меня красотой, все вокруг кажется мне блаженствующим, но у всех здесь свои матери; я надеялся, что смогу радоваться с товарищами, но нет, каждый играет с другим как с игрушкою, без дружбы, без привязанности! Какое различие с тем, когда я был вместе с вами…» Из письма матери в Мару.

август – октябрь 1812 г., Петербург

После Бородинского сражения и сдачи Москвы Наполеон начинает отступление. На фронт уходят досрочно выпущенные ученики Пажеского корпуса. В учебном заведении открываются вакансии. Генерал-майор Петр Андреевич Боратынский, дядя поэта, подает прошение, и в октябре Евгений Боратынский зачислен пансионером на собственном содержании. Корпус считался привилегированным учебным заведением для детей высшего военного руководства, к которому принадлежали все три брата Боратынские. Ученики выходили из корпуса в личную гвардию императора. «Преподаваемые науки. 4-й класс: французский и немецкий языки (переводы), арифметика, история российская, география (сокращенно); 3-й класс: французский и немецкий языки, „начинают упражняться в сочинениях на русском языке“, алгебра, геометрия, история греческая, география, полевая фортификация; 2-й класс: риторика на русском языке; сочинения на французском и немецком языках; статистика российская; история римская; тригонометрия; физика, статика и механика; фортификация долговременная, атака и оборона крепостей; артиллерия; тактика; черчение планов; военное судопроизводство; 1-й класс: риторика на французском, немецком и русском языках; история европейская; статистика европейских держав; география; политические науки: дипломатия и политическая экономия; дифференциальное и интегральное вычисление; практическая геометрия; фортификация иррегулярная; минерное искусство. Во всех классах также: Закон Божий и Священная история».

1812–1816 гг.

Боратынский учится в Петербурге, каникулы и праздники проводит в домах дядюшек Петра Андреевича и Ильи Андреевича. Он мечтает о морской службе: «И в самом деле, я чувствую, мне всегда требуется что-то опасное, всего меня захватывающее; без этого мне скучно. Вообразите, любезная маменька, неистовую бурю и меня, на верхней палубе, словно повелевающего разгневанным морем, доску между мною и смертью, чудищ морских, пораженных дивным орудием, созданием человеческого гения, властвующего над стихиями». В каком-то смысле эти подростковые мечтания воплотятся в образах стихотворения Боратынского «Пироскаф», написанного во время плавания из Франции в Италию. Около 1815 года среди пажей, жаждущих «чего-то опасного», составляется «общество мстителей». «Шалости», которые они себе позволяют, сперва вполне безобидны. Но в феврале 1816 года случается событие, радикально изменившее судьбу юного Евгения. Пользуясь личным доверием родителей одного из пажей, Боратынский с приятелями в день своего рождения выкрадывает из их дома табакерку и деньги. Подробности события Боратынский приведет спустя годы в письме Жуковскому, оно есть в нашей книге. Преступление раскрывается, и пажей с позором исключают из корпуса с повелением императора Александра I не принимать их ни в какую службу, военную или гражданскую, кроме солдатской, и не возвращать им дворянского свидетельства вплоть до выслуги в первый офицерский чин.

1816–1817 гг.

По решению родственников Боратынского отправляют в Подвойское – смоленскую усадьбу дядюшки Богдана Андреевича, где будущий поэт в течение года предается отчаянию и вырабатывает философский взгляд на мироздание. К этому времени относится его первый известный поэтический опыт на русском языке: «Хор, петый в день именин дядиньки Б<огдана> Андр<еевича> его маленькими племянницами Панчулидзевыми».

1818–1819 гг.

Хлопоты о смягчении участи не дают результатов, дворянское свидетельство вернуть без реальной службы невозможно. Боратынский едет в Петербург, где зимой 1819 года определяется рядовым в лейб-гвардейский Егерский полк с позволением жить не в казармах, а на частной квартире. Происходит его знакомство с поэтами «школы гармонической точности» – Дельвигом, Кюхельбекером, Плетневым и Пушкиным. Знакомство, определившее его литературную судьбу.

1819–1820 гг.

Боратынский знакомится с молодыми литераторами пушкинского поколения и при ободрении Антона Дельвига дебютирует в печати. Дельвиг протежирует первым стихотворным публикациям Боратынского в столичных журналах «Благонамеренный», «Сын отечества» и др. Он – его проводник в мир профессиональной литературы.

1820 г.

Боратынский переводится из гвардейского Егерского полка в армейский Нейшлотский, который расквартирован в Финляндии. Полком командует дальний родственник Боратынского – Георгий (Егор) Лутковский, и поэт надеется, что служба под его начальством будет необременительна, а выслуга пройдет быстрее.

1820–1825 гг.

Пребывание Боратынского в Финляндии затягивается на пять лет – император принципиально не подписывает рапорты Лутковского о повышении. Свидетелем финляндской жизни поэта становится его новый друг Николай Коншин, чьи воспоминания позволяют нам пред-

ставить армейские будни. Нейшлотский полк часто выдвигается в Петербург и подолгу стоит там, и Боратынский, пусть и в ореоле изгнанника, живет в столице полноценной светской и литературной жизнью. К 1825 году он состоявшийся, высоко оцененный критикой поэт. Его ставят рядом с Пушкиным. Он автор философских элегий и посланий («Финляндия», «Богдановичу»), эпикурейской поэмы «Пиры» и романтической «Эды» и множества стихотворений любовно-психологического характера, связанных с именами Софьи Пономаревой и Аграфены Закревской. Его профессиональный статус подтвержден не только публикациями, но и вступлением в Вольное общество любителей российской словесности.

1825 г.

Боратынский получает долгожданный офицерский чин и возвращает дворянское свидетельство, а с ним и возможность распоряжаться собственной судьбой. Он поселяется в Москве, где его ждет мать. Семейные обстоятельства, здоровье, а также желание посвятить себя литературе подталкивают его к решению выйти в отставку. В дни декабрьского восстания на Сенатской площади документы Боратынского циркулируют по инстанциям и наконец подписаны. Он становится свободным и от наказания, и от армии. Если не считать длительных отлучек по делам собственности в Казанскую губернию и в Мару к матери и летних месяцев в подмосковном Муранове, он проживет в Москве бóльшую часть жизни вплоть до отъезда за границу в 1843 году, то есть без малого двадцать лет.

1826 г.

Боратынский женится на Анастасии (Настасье) Львовне Энгельгардт, дочери генерал-майора суворовских времен Льва Энгельгардта. В этом счастливом браке родятся 9 детей.

1826–1830 гг.

Время активной творческой жизни поэта. Его стихи и поэмы публикуются и обсуждаются в ведущих журналах и альманахах Москвы и Петербурга. Он постоянный гость светских салонов города – Авдотьи Елагиной и Зинаиды Волконской. Он общается с молодыми московскими литераторами и интеллектуалами, в том числе с «любомудрами» – последователями философии Шеллинга. Это время наибольшего сближения с Пушкиным. Время тесной дружбы и философских бесед с Иваном Киреевским. Выходят первые книги поэта. Перед нами не только поэт-эпикуреец или элегик – в оригинальных поэтических образах Боратынский откликается на актуальные философские идеи современности. Вместе с тем растет разрыв между ним и критиками, между ним и читающей публикой. Следуя романтической доктрине об уникальности пути каждого поэта, Боратынский старается быть верным себе до крайности. Он упрямо следует за «индивидуальной поэзией», то есть за собой – а не за запросом читателей.

1830–1837 гг.

Мрачный период – уходят друзья молодости. Смерть Дельвига, запрещение журнала Ивана Киреевского «Европеец», с которым Боратынский связывал большие творческие планы. Запрещение других московских изданий. Постепенный распад привычной Боратынскому интеллектуальной московской среды. Смещение общественного интереса в область университетских дискуссий. В 1835 году – выход книги прежних и новых стихотворений, в которой критика не увидела Боратынского – поэта, который выражает себя «не байронической исповедью, но строгим языком поэтических размышлений» (Л. Гинзбург). Гибель Пушкина, поставившая эпохе точку. Одна из жемчужин русской поэзии, элегия «Осень», дописывается Боратынским в дни общей скорби.

1837–1843 гг.

Боратынский продолжает публиковать новые стихотворения, но все меньше участвует в литературной жизни. За ним закрепляется определение «поэт мысли». Время проходит в воспитании детей, в делах с недвижимостью в Москве и Казани, в решении земельных вопросов наследства – и строительстве нового дома в Муранове. В 1840 году он проводит зиму в Петербурге, где находит неподдельное сочувствие, тепло и внимание друзей и знакомых молодости – Плетнева, Одоевского, Вяземского, Жуковского. Он принимает решение переехать из Москвы в столицу. Чтобы содержать большое семейство по-столичному, он пытается заработать на продаже леса и устраивает в Муранове лесопилку. Его книга «Сумерки» (1842) выходит почти одновременно с окончанием строительства дома. Осенью 1843 года Боратынские с двумя сыновьями и дочерью отправляются в большое заграничное путешествие, после чего планируют осесть в Петербурге. Боратынский воодушевлен идеей вернуться в литературу и журналистику и стать активным участником «Современника», который после смерти Пушкина продолжает выходить под редакцией Плетнева.

1843–1844 гг.

Поздней осенью 1843 года Боратынские через Германию добираются до Парижа и проводят одну из самых эмоционально и интеллектуально насыщенных зим. Знакомство с русскими эмигрантами, политическими и религиозными, с французскими литераторами и политиками, с иностранными нравами и обычаями – чрезвычайно ободряет поэта. Судя по письмам, он наконец-то видит приложение своим творческим силам в России будущего. Он окрылен и с этим чувством отправляется в Италию, которую знал с детства по рассказам гувернера итальянца и с детства мечтал увидеть в реальности. Через два месяца самой беззаботной и безоблачной жизни в Неаполе он скоропостижно, в одну ночь, умирает на руках семейства. Кипарисовый гроб с его останками привезут в Петербург по морю только через год. 31 августа 1845 года Боратынский погребен в Александро-Невской лавре. На похоронах присутствуют родственники и друзья-литераторы – Петр Вяземский, Петр Плетнев, Владимир Одоевский и другие. На надгробном памятнике по воле вдовы Боратынского выбиты слова из его стихотворения «Отрывок»:

В смиреньи сердца надо верить
И терпеливо ждать конца.

Часть I
Люди

Дельвиг, или «Беспорядочная обстановка жизни»

Что ты хочешь с собою делать и что делаешь? Что твои? Все это всегда занимало и всегда будет занимать меня. Что стихи твои, льются ли все, как ручьи любви, или сделались просто ручьями чернильными, как, с позволения сказать, у большой части ваших московских стихомарателей. Сохрани тебя бог и помилуй, не заразись! Носи в кармане чеснок и читай поутру и ввечеру Пушкина.
Дельвиг – Боратынскому, 1826

По устоявшейся литературной легенде первые стихи Боратынского попадут в печать через Антона Дельвига. Несколько мелких, альбомных сочинений начинающего поэта выйдут в журнале «Благонамеренный» за 1819 год, и якобы без ведома автора. Неожиданный дебют застанет Боратынского в сложной ситуации. После позорного выдворения из Пажеского корпуса положение юноши крайне шатко. За провинность он наказан лишением дворянства вплоть до выслуги. Вопрос о поступлении в солдатскую службу решается. Авторская публичность ни к чему человеку, чья судьба находится в подвешенном состоянии.

Стараниями родственников он вскоре действительно зачислен рядовым в гвардейский Егерский полк. Ему позволено жить не в казармах, а частным образом, и он переезжает на квартиру к Дельвигу. Снимать на двоих проще и веселее. Перед нами нечто вроде поэтического треугольника: Дельвиг с Боратынским живут в Семеновских ротах, неподалеку на Фонтанке обитает однокашник Дельвига Кюхельбекер, а сразу за Калинкиным мостом (в доме родителей) – Пушкин.

Но история с переездом, хотя и красивая, вряд ли правдоподобна. Она основана на более поздних и, к сожалению, неточных воспоминаниях. Судя по письмам к матери, первое время в Петербурге Боратынский снимает квартиру не с Дельвигом, а со своим сослуживцем (в доме кофишенка Ежевского). А с Дельвигом они поселятся в Семеновских ротах позже, во время наездов поэта из Финляндии, куда он пока не думает отправляться. К тому времени Боратынский и Дельвиг будут хорошо знакомы и лично, и литературно.

Неизвестно, кто сводит поэтов. Это мог быть Александр Бестужев, будущий «декабрист», выпускник Горного корпуса и литератор. Или бывший однокашник поэта по Пажескому корпусу Александр Креницын. Спустя два года после отчисления Боратынского он кое-как там еще учится, и Боратынский возобновляет знакомство. Напомним, что в Пажеском по-прежнему состоят младшие братья поэта Ираклий и Лев.

Креницын – соучастник многих «шалостей» Боратынского еще до выключки из корпуса в 1816-м. Спустя два года он по-прежнему фрондер и пишет сатиры на преподавателей. А Боратынский, погоревший на фронде, сочиняет товарищу юности меланхолическое послание. После всего, что случилось, он чувствует себя рядом с Креницыным стариком. Стихотворение переполнено сетованиями рано повзрослевшего человека об утраченной вольнице и несбывшихся мечтах. Жить надо одним днем, философствует поэт («Цветок нашел – скорей сорви! / Цветы прелестны лишь весною!»).

Послание будет опубликовано в «Сыне отечества» в 1819-м за полной подписью «Евгений Баратынской». Перед нами не альбомная безделка, но большое послание-размышление. В котором за книжными штампами просвечивает чувство и опыт. То ли цензор, то ли опасливый издатель Николай Греч заменит фразу о цветах многоточием. А Креницын, которого поэт призывает рвать их, хорошо знаком с лицеистами первого выпуска. Возможно, он и сводит Боратынского с Дельвигом.

Объединяет Дельвига с Боратынским не только служение Аполлону, Киприде и Бахусу. Характеры молодых людей схожи тем, что соглашают в себе противоположности. Дельвиг – глубину чувства с «игривостью», хотя при первом знакомстве кажется ленивым и нелюбопытным. Но под внешней флегмой скрыта тонкая психическая организация, хорошо знакомая в будущем его жене Софье, заметившей, что «…он страдал, как женщина, полным расстройством нервов». «Аттическая вежливость с некоторыми приемами французской любезности», «застенчивость при уме самобытном», «мечтательная рассудочность» – это уже «тихоня» Боратынский. Союз поэтов подкреплен холостяцкой безбытностью. Антон Антонович в основном сам обеспечивает себя копеечной службой в Министерстве финансов. Положение унтер-офицера Боратынского получше, но часто обращаться за помощью к матери или знатным родственникам он не хочет. «Они везде задолжали, – вспоминает Вяземский, – в гостиницах, лавочках, в булочной…» «Один только лавочник, торговавший вареньями, доверчиво отпускал им свой товар; да где-то промыслили они три-четыре бутылки малаги». Хозяйством квартиры заведовал крепостной Дельвига Никита, «который в лености и беспечности мог поспорить разве только с своим барином». Когда Никита запивал, хозяйство поэтов приходило в окончательный упадок. «Эта беспорядочная обстановка жизни, – говорит биограф Дельвига Виктор Гаевский, – считавшаяся тогда поэтическою, доходила до цинизма, и Дельвиг, во всем старавшийся быть эпикурейцем, был в то же время и циником…»

Цинизм его распространялся не только на лавочников и кредиторов. Дельвиг имел наклонность к публичным жестам, иногда даже на грани оскорбительных. Так выражалось его отношение к общественной норме. Про Дельвига вспоминали, что на улице он мог плюнуть вслед священнику. В другой раз, зазывая друзей в питейный дом последнего разбора и заметив, что те в нерешительности, он изображал недоумение: «Не дураки ли вы? Разве не видите императорского двуглавого орла над дверьми?»[1]

Подобные жесты в известной степени передают дух времени, царивший в послевоенном российском обществе. Подъем национального духа, вера в обновление страны, поиски путей и форм для этого обновления постепенно сменялись общественным унынием и духом разочарования. Рубеж 1820 года был временем, когда император Александр переменился в мыслях о преобразовании России. Надежды на облегчение участи народа, освободившего страну от Наполеона, растаяли. Проект российской конституции, на которую возлагалось столько надежд, исчез «под сукном». Император погрузился в религиозные поиски. Ждать реформ «сверху» больше не имело смысла. Просвещенным людям оставалось самостоятельно создавать образ России будущего. Тайные общества и философские кружки каждый по-своему разрабатывали стратегию его осуществления, политическую и интеллектуальную. «Октавию – в слепой надежде – / Молебнов лести не пою», – пишет об императоре Пушкин. «Наш Август смотрит сентябрем», – подхватывает Языков. Вслед за императором «осеннее» настроение овладевает и высшим обществом. Цензура, показная религиозность, доносы, муштра. Над страной расправляет «совиные крыла» Аракчеев. «Во всех углах виделись недовольные лица, на улицах пожимали плечами, везде шептались, – все говорили: к чему это приведет? Все элементы были в брожении», – вспоминает Александр Бестужев. Немудрено, что в такой обстановке не только поэтическое, но даже бытовое сопротивление навязанной норме имело сим-

[1] Все питейные заведения Российской империи, а также и производство алкоголя, находились в государственном ведении.

волический характер. Проступок Боратынского, за который он был изгнан из корпуса, тоже следовало бы рассматривать в подобном свете.

Но поэты оставались поэтами. В одном из совместных шуточных стихотворений, нарочно написанном гекзаметром, Дельвиг и Боратынский с юмором смотрят на собственные персоны:

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Боратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
В лавочку были должны, дома обедали редко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили, шутя: «Какое в россиянах чувство!»

Фраза о чувствах пародирует «Водопад» Державина. При виде русских кораблей «в морях Тавриды» тот вопрошал читателя: «Какое чувство в россиянах?» – и сам же ответствовал: восторг, восторг. Видимо, восторг ощущают и наши поэты, когда без гроша в кармане пробегают по петербуржскому морозцу. Но это не восторг великорусского патриотизма, а – свободной молодости перед неизвестностью будущего.

Но, возможно, есть у стихов и другой адресат. Как раз в то время Николай Иванович Гнедич публикует идиллию «Рыбаки». Его сочинение широко обсуждается в журналах, причем с точки зрения жанра. Возможна ли идиллия не на античном, греческом, а на современном, да еще петербуржском материале? Гнедич доказывал, что возможна. Могли ли молодые люди потешаться над переводчиком Гомера, который представлялся в глазах современников почти что классиком? Скажем чуть позже.

Что касается жестов Дельвига, они, скорее всего, были эхом его лицейской вольницы. Фрондерство и вообще присуще юности, тем более если сама эпоха заражена разочарованием; знаком с фрондой и Боратынский, много «проказничавший» в корпусе, да рано обжегшийся. А Дельвигу фатальный ожог только предстоит. Он глубоко знает и русскую, и античную поэзию и публикуется с 1814 года. К моменту знакомства с Боратынским как поэт он практически сформирован. Перед нами одна из поразительных черт стихотворцев пушкинской плеяды: быстрое становление, ранняя зрелость, какая-то неюношеская состоятельность к двадцати годам. Чему, наверное, способствовало само время, быстро избавлявшее мыслящего человека от иллюзий.

По сравнению с Боратынским, человеком из Пажеского, где гуманитарные науки преподавались поверхностно и бессистемно, лицейский Дельвиг – безусловный литературный лидер, обладающий поэтическим слухом, жанрами и, главное, тесным кругом поэтического общения. Петербуржский круг общения Боратынского, связанный в основном с приятелями из Пажеского и Горного, после знакомства с Дельвигом расширяется несравнимо: Пушкин, Плетнев, Кюхельбекер, Глинка. В юности такое общение для поэта чрезвычайно полезно, и не только в силу общих либерально-эпикурейских настроений. Только сверстник может без обид указать поэту на стихотворные огрехи. Да и видит он в силу совпадения возраста лучше. Тем поразительнее плеядная стремительность, с которой Боратынский входит в литературу.

Два года после изгнания Боратынский провел в печальных раздумьях о невеселой участи человека. Французские классицисты, собранные в домашней библиотеке, укрепили молодого человека в собственном мнении. Они во многом сформировали его интонацию и стиль, во всяком случае вначале, и мы это еще увидим. А личная трагедия поневоле сделала философом. Власть, одним росчерком уничтожившая будущее, в ту же минуту уничтожила доверие к самой

себе. С тех пор Боратынский будет дистанцироваться от актуальной общественной дискуссии. Но в чем тогда искать основание? От мыслей о самоубийстве Боратынского спасли «отечески пенаты». С того времени образ родного очага становится для Боратынского фундаментальным жизненным ориентиром. Но когда тебе 18 лет, путь к собственному очагу в тумане. Возможно, Боратынский не столь умудрен в античных и песенных русских размерах, как Дельвиг, и не пишет, как он или Гнедич, идиллий. Но строки его стремительно наполняются «таинственной властью гармонии», которая будет слышна у всех поэтов пушкинского круга. Она подчиняет мысль языку, а язык – мысли и создает в языке музыку, которая возможна лишь при абсолютной ясности как в мыслях, так и в слове. На смену неловким альбомным мадригалам Боратынского скоро приходят вдумчивые послания и элегии. В них сочетается чувство, каким бы сладостным или горьким оно ни было, его мысленный анализ – и суховатая французская насмешливость из-за вечного расхождения одного с другим. Всего через пару лет он напишет элегии «Финляндия» и «Родина», по силе и естественности выражения мысли и ясной точности образов опережающие поэтические опыты Дельвига, и поэму «Пиры».

«Певца *Пиров* я с музой подружил / И славой их горжусь в вознагражденье…» – говорит Дельвиг. Замечательно, что, даже будучи известным поэтом, Боратынский считает его первым читателем. Он недалек в грамматике, путается в запятых и однажды, по воспоминанию Анны Керн, всерьез спрашивает Дельвига: «Что ты называешь родительным падежом?» Это раннее время – перекрестных посланий и дружеских «пиров» союза поэтов, время их активного диалога – напоминает довоенный триумвират Батюшкова, Вяземского и Жуковского с их апологией счастья, дружества и поэзии – с той разницей, что сейчас перед нами люди одного поколения. Излюбленные темы старших потесняются новыми мотивами – гражданской свободы, без которой добродетель немыслима, и тираноборчества, громче прочих заявленные у Пушкина и Кюхельбекера. Но мы почти не находим их, за несколькими исключениями, у Боратынского. Воспевая дружеские пиры и любовные увлечения и даже насмехаясь над бездарными коллегами по цеху – он не примыкает ни к республиканцам, ни к конституционным монархистам, ни к поклонникам теории Карамзина о положительном действии абсолютной власти в России. Он далек от прямого возмущения порядком вещей в обществе, полагая, видимо, что чувственные и интеллектуальные удовольствия и сами по себе возмутительны – тем, что вопреки общественной морали становятся основой жизни.

В это время литераторы крайне разных взглядов часто печатаются в одном петербуржском журнале. Примиряет их великодушно-легкомысленная натура издателя. Баснописец Александр Ефимович Измайлов в своем «Благонамеренном» пока еще печатает и молодых эпикурейцев-«либералистов», так называемых баловней круга Пушкина, – и авторов вроде классициста Владимира Панаева, критика Ореста Сомова или поэта Бориса Федорова:

Сурков Тевтонова возносит;
Тевтонов для него венцов бессмертья просит;
Барабинский, прославленный от них,
Их прославляет обоих.
Один напишет: *мой Гораций!*
Другой в ответ: *любимец граций!*
И третий друг,
Возвысив дух,
Кричит: *вы, вы любимцы граций!*
А те ему: *о наш Гораций!*

Сурков в сатире Федорова – Дельвиг (соня), Тевтонов – Кюхельбекер (немец), а Барабинский – Боратынский (возможно, от *бараба*, «степь» – владения Боратынских находились на

границе тамбовских степей). Автор обыгрывает общие поэтические штампы, бывшие в ходу у молодых поэтов, и даже конкретные строки, например, из послания Боратынского «Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций…») – и из ответа на него Дельвига: «За то ль, Евгений, я Гораций…» У обоих поэтов часто встречаются в стихах и юные девы, и вино – отчего «союз поэтов» благонамеренные критики называли даже не эпикурейским – вакхическим, полагая подобные темы несовместимыми с высокими задачами современной литературы[2].

«Федорова Борьки / Мадригалы горьки», – лаконично отвечал Дельвиг.

В начале двадцатых годов обоим поэтам предстоит острое увлечение одной и той же замужней женщиной. Женятся они тоже друг за другом: Дельвиг в 1825-м, а Боратынский через год, когда получит первый офицерский чин, который позволит ему вернуть дворянство, сразу же по возвращении выйти в отставку и, женившись, осесть, к негодованию Дельвига, в «беззубой хрычовке» Москве. Но пока Боратынский в Финляндии и будущее его неясно. Его Дельвиг скучает по товарищу настолько, что при известии о приезде Боратынского отправляется навстречу, чтобы «в чаши чашами стучать» уже на подъездах к городу. В общей сложности Боратынский напишет Дельвигу шесть посланий и посвятит одно стихотворение, а также упомянет в «Пирах» («Ты, верный мне, ты, Дельвиг мой. / Мой брат по музам и по лени»). Дельвиг посвятит Боратынскому четыре. Во время общей влюбленности поэтов образы и скрытые цитаты будут и вообще перетекать из сочинений одного к другому, составляя как бы неразрывное целое и жизни, и поэзии.

Судьбе будет суждено сблизить поэтов еще одним и самым неожиданным образом. После внезапной кончины Дельвига в 1831 году, когда он, ожегшись от выволочки Бенкендорфа, расстроится нервами и подхватит горячку, вдова его Софья Михайловна довольно скоро выйдет замуж. Ее избранником станет родной брат Боратынского – медик Сергей, еще при жизни Дельвига влюбленный, и не безответно, в Софью. Они уедут в Мару, родовое имение Боратынских, вместе с маленькой дочкой Дельвига Лизой, которую Боратынский-младший воспитает как свою, таким образом породнив, пусть и заочно, двух друзей-поэтов.

[2] Заметим, что у Боратынского чаши в стихах непременно «стучат», то есть сделаны из глины – а глина, подобно Времени, уравнивает и аристократа, и извозчика.

Коншин, или «Доброе сердце автора»

Нравы наши довольно несходны. Ты во всем охотно видишь хорошую сторону; а я охотно – дурную. Впрочем, кажется, я не старался тебя разочаровывать и надеюсь, что ты никогда не разочаруешься, ибо счастие твое основано не на мечтах, а на первых началах природы человеческой. Не спрашиваю тебя о твоем житье-бытье, ибо знаю, что женатые редко отвечают искренно на вопрос такого рода.
Боратынский – Коншину, 1825

Через несколько месяцев после смерти Боратынского в Неаполе (1844) историк и литератор Николай Коншин сочинит о нем мемуарный очерк. Слог его будет сбивчив. «Мир тебе, поэт! – пишет он. – Урочные часы твои пробили…» Видно, что автор всем сердцем потрясен смертью товарища молодости. И желает, пока не поздно, спасти от забвения то, что их связывало.

Благодаря очерку Коншина нам известны подробности жизни Боратынского в Финляндии, где оба поэта служили бок о бок в начале 1820-х. Сам Николай Михайлович остался в истории золотого века литератором, скорее, третьего ряда. Хотя дебют его в начале двадцатых стал заметным, он даже вошел в круг Пушкина и был отмечен в его письме Жуковскому, правда в своеобразном ключе: «…согласен, – писал Пушкин, – что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегией вроде Коншина» («очевидно, в смысле плохой элегии», – замечает биограф Коншина Кирпичников). Вслед за Боратынским, бывшим для Коншина вроде Дельвига, хотя и младшим по возрасту, но более опытным в делах литераторских, Коншин пишет в элегическом жанре и жанре посланий. Стихи его напоминают собрание штампов, среди которых вдруг проскальзывают прозаизмы, выгодно освежающие неловкие, но искренние строфы. Но объединяют поэтов не только стихи и Финляндия. В самом начале двадцатых годов перед каждым из них стоит схожая социальная проблема. Каждый пробует решить ее схожим, литературным способом.

Карьерная судьба Коншина с первых шагов складывалась несчастливо. Утрата дворянских грамот вынуждала Николая Михайловича начинать военную службу с чистого листа. Он был зачислен в кадетский корпус в роту для разночинцев, но его попытки продвинуться оказались малоудачными и в итоге привели прапорщиком в Финляндию. Чуть позже из Петербурга в Финляндию переводят (в низшем чине унтер-офицера) и Боратынского. Обстоятельства службы и общие литературные интересы сближают поэтов. Оба они «дворяне без дворянства».

Первой публикацией Коншина будет послание «Баратынскому» («Куда девался мой поэт?…»), помещенное в сентябрьском номере журнала «Благонамеренный» за 1820 год. Напомним, что Боратынский дебютировал в «Благонамеренном» с подачи Дельвига годом ранее. И теперь уже сам протежирует армейскому товарищу. События происходят в год, когда полк Боратынского временно передислоцируется из Финляндии в Петербург для несения караульной службы. Боратынский возобновляет прерванное литературное общение в столице. Именно в то время он становится действительным членом литературных обществ, и в частности Вольного общества любителей российской словесности, так называемой «ученой республики» под председательством Федора Глинки, автора знаменитых «Писем русского офицера»[3]. Стихотворение Коншина, также прибывшего с полком в столицу, представлено в общество еще в ноябре 1820-го. Оно одобрено. Коншин принят сначала сотрудником, а вскоре получает

[3] Подробнее о Вольном обществе см. в книге: *Базанов В.* Ученая республика. М.-Л.: Наука, 1964.

статус полноправного члена. Тогда же меняется и его литературная стратегия. Творчески он словно дистанцируется от Боратынского. Мадригалы и послания, а также элегии оставлены. Он переключается на переводы исторических и философских сочинений. В 1821 году новоиспеченный член отправляет на рассмотрение цензоров Общества три перевода с французского – фрагменты из «Истории правления императора Карла V». Дальнейшая литературная деятельность Коншина будет связана с подобными трудами.

С чего, спрашивается, происходит такая метаморфоза? Ответ прост: через элегии и послания он сходится с Боратынским и поэтами пушкинского круга, а серьезным трудом хочет снискать высочайшее внимание и получить в качестве поощрения то, что ищет: утраченное дворянство. Патронажная модель была распространенной в XVIII веке. Продолжалась она и в начале века XIX – вспомним журналы литературных обществ, выходившие по монаршей щедрости, Гнедича, получившего высочайший «грант» на перевод «Илиады», или Батюшкова, желавшего выхлопотать заказ на перевод Торквато Тассо. С легкомысленными элегиями на поощрение вряд ли можно было рассчитывать.

Надо сказать, что опыт у Николая Михайловича уже был. В 1818 году, еще до знакомства с Боратынским, он подавал на высочайшее имя перевод с французского из истории другого Карла, Великого. Но текст, пройдя по высшим чиновничьим кругам, вернулся к автору с резолюцией, что печатать переводы книгой можно, но посвящать и подносить императору – не следует.

Спустя несколько лет настойчивый автор решает сделать вторую попытку.

Учитывая прежнюю неудачу, он полагает правильным сперва легализоваться в литературной среде. И делает это через участие в профессиональном писательском союзе, в Вольном обществе. А затем обращается в высшие инстанции. И, надо сказать, успешно. В январе 1822 года за перевод истории Карла Великого он пожалован бриллиантовым перстнем и долгожданным дворянством. Модель превращения учености в статус оказывается не такой уж архаичной. «История Карла Великого» даже планируется отдельным изданием, о чем сообщает печатный вестник общества. Подписка на издание, впрочем, не приносит необходимых средств, книга не выходит[4].

Подобную модель пробовал поначалу и Боратынский.

Стоит напомнить, что его ситуация все-таки сильно отличалась от Коншинской. Оба искали дворянства, но причины, приведшие к утрате документов, были несравнимы. Дворянский паспорт Боратынского конфисковали за кражу в Пажеском корпусе – до выслуги; а Коншин свой утратил в силу неясных бытовых обстоятельств. И, конечно, у него не было таких высоких покровителей, как у Боратынского.

Но хлопотами родственников волю императора переменить не удавалось. На любое заступничество Александр отвечал однообразно: «пусть послужит», «надо послужить» – или напрямую: «послужи». Однако был еще один путь, а именно тот, что испробовал Коншин. Перед отправкой в Финляндию два стихотворения Боратынского представлены в Вольное общество Дельвигом. Тогда же в январе 1820-го Боратынский принят; поскольку он не в Петербурге, его, согласно Уставу, зачисляют членом-корреспондентом; только через год ему присвоен статус действительного члена. Судя по чтениям и публикациям того времени, Боратынский невероятно активен. В «Соревнователе», журнале общества, регулярно печатаются его элегии и послания, а поэма «Пиры» зачитывается в Публичном собрании общества.

Через послания друзьям-поэтам – Плетневу, Дельвигу, Кюхельбекеру – Боратынский заявляет о себе как об одном из молодых поэтов пушкинского круга. Жанр элегии, в котором он работает, подчеркивает искушенность его поэтических умений, прежде всего мастерства словесной отделки. Большую его вещь печатает близкий к обществу журнал «Невский зри-

[4] См. подробнее: *Степина С. А.* Н. М. Коншин – сотрудник «Ученой республики» // Русская литература. 2022. № 2.

тель» («Отрывки из поэмы: Воспоминания»). Это не только вольный перевод «Воспоминаний» Габриеля Легуве, не только диалог с «Садами» Жака Делиля, но также и поэтический отклик на перевод «Садов», выполненный Воейковым. Практика интеллектуальных скрещений в то время была общим местом – вспомним Батюшкова с перепевами Парни и Лагарпа, опыты Жуковского с немецкой поэзией или диалог Пушкина с Андре Шенье. В то время подобная деятельность свидетельствовала о профессионализме писателя.

Итог атаки на Парнас не заставил себя ждать. Уже в 1821 году «Сын отечества» перечисляет имя Боратынского в ряду самых ярких литераторов нового поколения. Его называют «пылким молодым поэтом». Правда, Павел Катенин сетует, что «большая часть его стихов написаны в модном и несколько однообразном тоне мечтаний, воспоминаний, надежд…» – но, продолжает он, «…в них приметен талант истинный, необыкновенная легкость и чистота».

Наконец, в альманахе «Полярная звезда» (это уже 1823 год) молодого поэта увенчивает Александр Бестужев. В обзорной статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» он прямо говорит, что «Баратынский, по гармонии стихов и меткому употреблению языка, может стать наряду с Пушкиным»[5].

В то время Пушкин был бесспорным лидером нового поколения литераторов, его первой величиной. Это признавали и «левые», и «правые», и старые, и молодые. «Стать наряду с Пушкиным» звучало как большое признание. Основатели альманаха, Бестужев и Рылеев, обещают подписчикам издать книгу молодого дарования, и Боратынский даже собирает ее. Правда, спустя время предприятие глохнет, книга не выходит. Автор возвращает аванс.

Для чего понадобился Боратынскому столь активный наскок? Помимо удовлетворения литературных амбиций? Очевидно, для того же, что и Коншину. Добившись литературного признания и статуса (публикации в прессе, членство в обществе, лестные отзывы) – он мог снова рассчитывать на протекцию. Правда, теперь не как бедный родственник отставных генералов павловской эпохи. А как талантливый литератор.

За дело берутся опытные заступники – Александр Иванович Тургенев, несколько лет назад устроивший Вяземскому место в Варшаве, а Батюшкову – в Италии. Другой, Жуковский, будучи придворным учителем, может просить за литераторов и вообще напрямую. «Он – поэт!» – заключает просительное письмо к министру народного просвещения и духовных дел Голицыну Василий Андреевич.

Еще десяток лет назад, когда интеллектуальный труд считался трудом невысокого разбора, такая аттестация могла только повредить просителю. Однако ситуация в конце десятых – начале двадцатых годов стремительно меняется. На фоне оживленных дискуссий о важности национальной литературы для осмысления родной истории, а также и для воспитания истинно добродетельных граждан, преданных своему отечеству, – то есть, в сущности, ради процветания государства – *теперь* статус талантливого литератора может стать эгидой.

Письмо, упоминаемое в обращении к Голицыну, Жуковский получит от Боратынского в ответ на просьбу разъяснить обстоятельства проступка, прощение которому Василий Андреевич берется выхлопотать. Но хлопоты не приносят результата. Поэтический дар не является для Александра I весомым аргументом, чтобы снять «проклятие». К тому же из литературного общества, в котором подвизается поэт, поступают доносы на некоторых его членов или сочувствующих, и фамилия Боратынского в этих доносах фигурирует в одном ряду с «вольнодумцами» Пушкиным, Дельвигом и Кюхельбекером. Нет, император уверен, что только через представление от военных – то есть по службе, шаг за шагом – искупление будет подлинным. Внеслужебные хлопоты родственников, а теперь еще и коллег по цеху, видимо, только раздра-

[5] О ранней литературной репутации Боратынского см.: *Мартыненко А. И.* Е. А. Баратынский и «Ученая республика»: к истории формирования литературной репутации поэта // Пушкинские чтения в Тарту. Т. 6. Вып. 2. Пушкин в кругу современников. Тарту, 2020.

жают его. И опытные заступники скоро понимают это. Следует обратная реакция. В письме Вяземскому (март 1824 года) Тургенев просит журналистов обеих столиц «не объявлять нигде <…> имени под стихами» Боратынского или использовать криптонимы. Теперь его новые пьесы печатаются либо без подписи, либо подписываются «Е. Б-ий», «Е.Б.» или просто «Б». В отличие от Коншина, удачно конвертировавшего литературный талант в социальный статус, Боратынскому такой трюк не удается. Слишком разные причины невзгод у того и другого. Тот, кто проштрафился в императорском учебном заведении, должен искупать вину единственным путем: через императорскую армию.

Интересно отметить, каким образом неудачи Боратынского отразятся в другом обзоре Бестужева, во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года», опубликованном в той же «Полярной звезде». Подвигая Боратынского в один ряд с Пушкиным, критик сопоставляет не только схожую гармонию стихов и меткое употребление слова, но и драматизм житейских судеб обоих поэтов – и ободряет в том смысле, что невзгоды лишь укрепляют гения. «Гомер, нищенствуя, пел свои бессмертные песни, – пишет он, – Шекспир под лубочным навесом возвеличил трагедию; Мольер из платы смешил толпу; Торквато из сумасшедшего дома шагнул в Капитолий; даже Вольтер лучшую свою поэму написал углем на стенах Бастилии». Так чего же, спрашивается, быть в исключении нашим? Ободрение, то есть меценатство, покровительство, «ласкание» – для гения вредно. «Так, его нет, и слава богу!» – утверждает Бестужев. «Скорбь есть зародыш мыслей, уединение – их горнило». Напомним, что это пишет человек, получивший за издание «Полярной звезды» бриллиантовую табакерку от императора.

Эту фальшь хорошо чувствует ссыльный Пушкин, к которому сентенции Бестужева обращены в первую голову. И отвечает с горькой иронией: «Ободрения у нас нет – и слава богу! Отчего же нет? Державин, Дмитриев были в ободрение сделаны министрами. Век Екатерины – век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин, кажется, ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также. Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг. <… > Из неободренных вижу только себя да Баратынского – и не говорю: слава богу!» (из письма Бестужеву, май-июнь 1825 года).

Что касается Коншина, он не оставлял литературных трудов даже выйдя в большие чиновники. Правда, муза его больше склонялась к исторической прозе. По протекции Пушкина (через Жуковского) ему в конце 1836 года достанется место директора учебных заведений в Твери, занятое прежде писателем Лажечниковым. Совершенно случайно Коншин заглянет по делам нового назначения на Мойку утром рокового дня – 27 января 1837 года. Спустя много лет он будет вспоминать подробности визита. «Нахожу Пушкина еще в утреннем домашнем костюме и как-то странно взволнованного и расстроенного, – рассказывает он. – Говорю ему о своем деле, а он в это время беспрерывно перебегает от дивана к двери комнаты, почти смежной с переднею комнатой».

«Ну, Александр Сергеевич, не вовремя я к тебе заехал; лучше побываю на днях». Интересно, что в воспоминаниях Коншина они с Пушкиным на «ты». Примерно за месяц до визита, когда дело о назначении в Тверь будет решенным, Пушкин напишет Коншину письмо, где, в частности, скажет: «Заняв место Лажечникова, не займетесь ли Вы, по примеру Вашего предшественника, и романами? а куда бы хорошо!» (в письме Пушкина они с Коншиным на «вы»). Совет запоздалый и даже обидный. Еще в 1834 году Николай Михайлович опубликует роман в трех томах «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году». «В нем нет ни слога, ни мыслей, ни создания, ни характеров, ни занимательности; словно гора с плеч сваливается у вас, когда вы дочитываетесь до отрадного слова: *конец*», – пригвоздит Коншинский роман Белинский.

Впрочем, великодушный биограф Кирпичников отметит, что даже в слабом романе видна главная добродетель Коншина: «доброе сердце автора».

Лутковский. Финляндия

Поверишь ли, что я бы с большим удовольствием теперь навестил ее. Я думаю о ней с признательностью: в этой стране я нашел много добрых людей, лучших, нежели те, которых узнал в отечестве; нашел тебя; этот край был пестуном моей поэзии. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла бы в том, чтобы в память мою посещали Финляндию будущие поэты.
Боратынский – Путяте, 1830

В общей сложности Боратынский проведет в Финляндии пять лет (1820–1825), включая длительные наезды в Петербург по службе и в Мару к матери. Изгнание его, как видим, будет не столь радикальным, как у Пушкина, который выслан хоть и позже, но гораздо дальше и ничем, кроме писем, не связан с метрополией. Правда, теплое и пестрое античное Причерноморье несравнимо с однообразно холодными берегами Финского залива. Но творческое воображение Боратынского способно оживить эту землю. Призраки «полночных» скандинавских воинов предсказуемо роятся перед внутренним взором поэта. Так роились они у Батюшкова, первым воспевшего финские земли, и у Жуковского. По скрытым и явным цитатам мы видим, насколько внимательно Боратынский читал старших поэтов.

Среди «гранитов» и «призраков» поэт скоро отыскивает точку опоры внутреннему состоянию. Найденные образы конкретны. С первых строф элегии «Финляндия» поэт видит в мрачных утесах врачующее созвучие. Он обращается к себе в третьем лице, чтобы отделить себя нового – от себя прежнего. «Поклон его, поклон / Громадам, миру современным; / Подобно им, да будет он / Во все годины неизменным!» Стоическое приятие навязанного судьбой жребия и внутреннее противостояние ему слышится во многих стихах того периода. Возможно, здесь есть отзвук французских романтиков, но при наложении на личную судьбу он звучит оригинально и органично. Есть что-то и от сознательной поэтической позы, ведь с бытовой точки зрения Боратынский живет в Финляндии отнюдь не как Овидий в Томах; мы увидим, что в судьбе поэта многие принимают участие. Однако есть быт, а есть бытие, и в поэзии они совпадают не часто.

По Фридрихсгамскому мирному договору Финляндия в то время – уже десять с малым лет в составе империи. Право аннексировать шведскую Финляндию Россия получила по Тильзитскому соглашению (1807), когда, разгромив коалицию, Наполеон принудил Александра к союзным отношениям и блокаде Англии. В качестве утешительного приза России было предложено аннексировать восточные провинции Швеции. Часть Финляндии *уже* входила в состав Российской империи и называлась Выборгской губернией. Остальную Финляндию отбили у шведов чуть больше чем за год, и это была та военная кампания, в которой участвовал поэт Батюшков, живо и точно описавший очарование северного края в «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии». Именно из короткого батюшковского очерка Боратынский будет заимствовать и некоторые образы, и некоторые фразы, и даже некоторые заблуждения – например, олицетворяя здешние земли образами скандинавской мифологии, не имевшей к финнам прямого отношения, и даже называя Финляндию «отчизной бранного Одена» в послании «К Кюхельбекеру».

В составе империи Финляндия получила статус Великого княжества. Наряду с Царством Польским она пользовалась некоторой автономией. Желая показать преимущество российской короны перед шведской, Александр широко наделял княжество правами, о которых жители внутренних территорий не могли подумать. Из захолустной шведской окраины Финляндия превращалась в самостоятельный субъект империи. Ее столица была перенесена подальше от Стокгольма (и поближе к Петербургу): в Гельсингфорс, ныне Хельсинки, и по-столичному

отстроена архитекторами. Делами княжества управлял Сенат, без одобрения которого ни одно распоряжение императора не вступало в силу. Сохранялась местная вера, судопроизводство и органы самоуправления, а также все сословные привилегии. Не знавшие крепостного права финляндские крестьяне теперь свободно отправлялись на заработок в Петербург, следовало лишь оформить регистрацию в столичной кирхе. Финны работали на заводах и верфях, в услужении купечеству и знати, извозчиками. Во времена Боратынского славились петербуржские финны-ювелиры. Монополией финляндских мигрантов считалась профессия трубочиста. В Смольный стали принимать дворянок из Финляндии. В Пажеском корпусе учились дети тамошних аристократов.

Но, как бывает с империями, лояльность новых территорий следовало укреплять штыками. Русские отлично помнили и войну со Швецией 1788–1790 годов, и то, с какой ожесточенностью финны сопротивлялись нашествию 1808-го. Первое время мужское население княжества даже не брали в армию. Для поддержания порядка и безопасности крупные военные формирования прибывали из метрополии. В один из таких полков, Нейшлотский, «определился» и поэт Боратынский. Ко времени его прибытия местная элита уже рассталась с мечтами о конституции. В проектах о самоуправлении появились границы. Они проходили в голове императора, мыслившего все более консервативно и религиозно. По-своему относилась к Финляндии и российская знать, особенно военная, полагая привилегии княжества незаслуженными и обвиняя в этом императора и его фаворита: Аракчеева.

В конце января 1820 года поэт прибывает во Фридрисхгам, ныне финский городок Хамина. Как и другие города Финляндии, в которых бывает Боратынский, со времен Абоского мира эта крепость-поселение входит в состав Выборгской губернии, то есть формально Боратынский даже не покидает империю. Город расположен в 243 километрах от Петербурга – согласимся, ничтожное расстояние для изгнанника. Нейшлотский полк, куда определился Боратынский, летом перемещается из крепости в крепость по берегам Финского залива с целью охраны от высадки шведа, к тому времени, надо сказать, давно иллюзорной. А зиму проводит во Фридрихсгаме. В 1820 году городок представляет собой поселение на берегу глубокого залива. Он расположился вокруг старой шведской крепости, подновленной еще в екатерининские времена Суворовым, – с населением около тысячи человек и сотней деревянных домиков. Оригинальный шведский план (шестиконечной звезды с лучами бастионов в сторону залива) и сегодня прекрасно считывается на местности. В бывшем каземате работает кафе, каменные своды которого, возможно, помнят Евгения Абрамовича. Остались и другие свидетели: две иконы, подаренные Суворовым Петропавловской церкви (Николая Чудотворца и Александра Невского), и хрустальное паникадило от Екатерины Великой, прибывшей во Фридрихсгам в 1783 году для переговоров с королем Густавом. Правда, деревянная церковь, где мог бывать Боратынский, сгорела во время большого фридрихсгамского пожара 1821 года. Однако иконы и паникадило уцелели, и сегодня их показывают в новом, 1837 года постройки, храме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.